

Итак, существуют фразы (предложения, высказывания), смысл которых не должен пониматься (и никогда не понимается) буквально. Такие фразы могут быть правильно поняты и адекватно истолкованы только в том случае, если понимание ситуации оказывается шире смыслового содержания тех слов, которые составляют фразу. Задумываемся ли мы над обыденными ситуациями подобного рода в нашей повседневной жизни? Скорее всего, нет. Однако они не кажутся нам бессмысленными. Все дело в том, что мы привыкли в повседневной жизни (в речи, в языке, в культурно-коммуникативных актах) широко использовать не только метафорический язык, но и такие выражения, значение которых находится как бы вне слов — в зоне молчаливого понимания, что как раз и придает завершенность и смысл такого рода текстам. Обычно человек признает такие «недосказанные» (внеязыковые, внеречевые) смыслы как сами собой разумеющиеся; реагирует и понимает (интерпретирует) смысл и контекст так, как это принято в его среде, в языке, в культуре.

Нечто подобное происходит и с научным пониманием. При этом ученый в процессе творческой деятельности должен прилагать интеллектуальные усилия, адаптируя собственное концептуальное мышление к совокупности новых сведений и нового знания. И хотя понимание здесь чрезвычайно близко к знанию, тем не менее, отличается от него. Если знание характеризует определенное отношение к объекту, то понимание выражает знание о нем. В этом смысле понимание выступает как результат знания о знании.

Понимание связано с процедурой раскрытия реального смысла. Оно связано с выявлением содержательного плана знания, его смысла, ценности и значения для других поколений. Создается совершенно иное смысловое пространство, следовательно, формируется особый тип понимания. Конечно, мы можем ограни-

читься признанием того, что *деятельность разума неизменно направляется к пониманию*, и рассматривать эту человеческую способность как данность. Однако признание универсальной (эволюционно обусловленной) направленности разума к пониманию не снимает самой проблемы. Всегда остается открытым вопрос правильного понимания. Кроме того, накопление знания и опыта понимания создает перспективу для рефлексии над тем, как возможно правильное понимание, каким образом это правильное понимание может быть передано. Следовательно, возникает проблема «дешифровки», реконструкции и воспроизведения истинного смысла знания. А это поднимает проблематику понимания на философско-методологический уровень исследования.

Поиск *метода понимания* (совокупности методов истолкования) особенно актуален в тех случаях, когда в поле зрения исследователя попадает текст не только философский или строго научный, но также текст архаический, древний, принадлежащий иной (или чуждой) культурно-исторической или религиозной традиции. Рассматривая и сравнивая эти мировоззренческие традиции, выявляя исходные концептуальные положения отдельных философских школ и религиозных доктрин, или рассматривая научные теории с позиции метода понимания, философ получает общую картину становления и развития опыта рационального мышления.

Данное исследование, подчиненное этой внутренней цели, представляет собой попытку дать целостную картину становления метода понимания, вплоть до придания ему философского статуса, а также научно-теоретического и практического значения. Акцентируя внимание на исследовании проблем, сопряженных с уяснением существа процедур истолкования, я обращалась к текстам, содержащим идеи, характерные для того или иного течения философской мысли прошлого, отыс-

кивая следы метода, с помощью которого традиционные понятия призваны были поддерживать миропонимание человека соответствующей эпохи и его собственное мышление.

В книге исследуется процесс перехода от образно-эмоционального к дискурсивному способу мышления. При этом подход к знанию с позиции *когнитивной герменевтики*, т.е. посредством постижения скрытой методологии процесса познания, позволил обобщить творческий опыт философии понимания, а также выдвинуть модели интерпретации, пригодные для преодоления трудностей истолкования противоречивых фрагментов философских текстов.

Истоки герменевтики восходят к традиции античной культуры, в частности, к древнегреческой мифологии и даже еще раньше — к глубинам архаического миропонимания, где как раз и обнаруживаются предпосылки классической герменевтики, о которой мы будем размышлять сначала как об искусстве истолкования, затем как о теории истолкования, сопровождающей это искусство и, наконец, как о герменевтической философии. Термин «герменевтика» — (*hermeneutikē*) — происходит от греческого *hermeneuein*, что значит: *высказывать, выяснять, излагать, переводить*; или же от слова *hermeneia* — *объяснение, истолкование*. Между тем, термин «объяснять» имеет несколько сходных, близких по смыслу значений: *разъяснять, истолковывать, растолковывать, переводить, сообщать*, т.е. доводить до понимания, делать понятным. Если исходить только из этого перечня слов, по сути своей, синонимичных, то можно утверждать, что под герменевтикой, «объясняющей», «истолковывающей» что-либо, подразумевается умение сделать понятным любое сообщение, наделенное смыслом.

На первый взгляд кажется, что герменевтика имеет отношение непосредственно к языку, к речи, к коммуникации; она связана с умением правильно (грамотно)

говорить и ясно излагать свои мысли, с умением понимать и избегать недоразумений. Действительно, герменевтика имеет отношение к разного рода сообщениям и коммуникативным актам, но таким, сложное содержание которых не всегда может быть понято однозначно. Сложные или неоднозначные сообщения часто нуждаются в дополнительном их истолковании и разъяснении. Эти сообщения могут быть переданы текстуально; выражены в устной речи, в словах, или изложены каким-то иным способом, но так, чтобы содержание и смысл «текста» — будь то простое изъяснение чьей-то воли, разъяснение какой-то сложной идеи, передача конкретной мысли или словесного символа были поняты. Не случайно, по-видимому и то, что первоначально под «герменевтикой» как *«hermeneutikē technē»* понимали ***искусство передачи и толкования скрытого содержания, заключенного в послании, в тексте или даже в иносказании.***

Истолкованию могут подлежать все творения и все проявления человеческой духовной деятельности — общественный, исторический и психический мир. В самом общем смысле речь идет о понимании творений человека — текста, культуры, а косвенно и его самого. Это обстоятельство очевидным образом предполагает ***многообразие*** всевозможных ***герменевтик***, которые должны как-то отличаться друг от друга, например тем, как осуществляется процедура истолкования. Гипотетически они отличаются предметом и, соответственно, методом проведения истолкования. Различия между герменевтиками прежде всего концептуальные. Они вызваны предметом истолкования, способом понимания «текста», поставленными вопросами, методами истолкования и понимания, а также онтологическими и эпистемологическими основаниями.

В книге показано, что значение слова «герменевтика» изменялось исторически в зависимости от контекста, традиции и области использования. Однако есть в

них нечто общее для всех. Герменевтика не удовлетворяется текущим смыслом вещей, но стремится к истине — часто нормативной, скрытой в глубине.

Как вид духовно-практической деятельности и род занятий, искусство истолкования было широко распространено во всем мире. Первые опыты истолкования были связаны с различными коммуникативными актами, направленными к поиску ответов на вопросы, которые превосходили простые человеческие возможности тех, кто искал на них ответы. Поэтому идея того, что можно докучать богам, чтобы они могли высказаться на преходящие, собственно человеческие темы, по-видимому, весьма древняя. У разных народов и в разных культурах существовала своя, присущая именно этой исторической традиции практика получения прорицания с его последующим истолкованием. Например, в древнем Египте практиковалась *инкубация* — т.е. сон в храме в надежде на вдохновение или прозрение, которое ниспошлет храмовое божество. Идея, лежащая в основе жертвоприношения девушек майя была та же самая. Однако сама процедура получения божественного сообщения была довольно бесчеловечна: множество девушек было брошено в священную гробницу или глубокий колодец, а те, кто выжил после нескольких часов, возвращались для повторения по памяти послания, воспринятого во время сурового испытания — виртуального выполнения путешествия в подземный мир.

В разных культурно-исторических традициях существовали различные, отличающиеся друг от друга пути и способы достижения «божественной коммуникации», порой довольно суровые или даже не безопасные для жизни конкретного человека. Между тем регулярность, с которой эти «священные» контакты могли повторяться, позволяет предположить, что одновременно с потребностью «вступать в контакт» во имя получения «божественного послания», укреплялась потребность в ав-

торитетном (профессиональном) истолковании полученного «священного послания». Следовательно, формировалась определенная техника, а вместе с техникой — традиция толкования такого рода посланий, которая закреплялась за определенными людьми и передавалась внутри этой конкретной группы людей: магов, жрецов, прорицателей, оракулов, шаманов, медиумов, пророков, священников и т.д.

В Древней Греции, откуда ведет начало герменевтика, искусство истолкования имело свою довольно длительную и интересную историю, связанную с развитием всего комплекса представлений о мире: мифологических, религиозных, философских. Реконструируя эти знания на основании сохранившихся источников и различных комментариев этих первоисточников, мы можем представить себе общую картину формирования герменевтики, а также выделить определенные исторические этапы в ее становлении. При этом будем обращать внимание на то, каким образом осуществлялось истолкование, какие исторические формы оно приобретало со временем. Такой философский взгляд на процесс становления герменевтики как науки понимания и истолкования дает возможность выявить, классифицировать и показать особенности действия ее специфических методов и подходов по отношению к самому широкому спектру знания — религиозного, философского, научного. Каждая из этих областей знания выработала собственные своеобразные методы, порой различные в разных культурах и даже в религиях. Однако выявить то, что присуще большинству — в этом состояла одна из главных задач предлагаемого исследования.

Исторически сложилось так, что первоначально предметными прерогативными сферами приложения, как бы по своей природе требующими истолкования, были религиозные писания (особенно Библия и Тора), а также тексты сводов права и литература минувших

эпох, которая стала непонятной из-за временного и культурного удаления. Это объективное обстоятельство обусловило выбор того материала, опора на который способствовал формированию моей внутренней философско-концептуальной позиции в отношении рассматриваемого комплекса проблем, а также определило структуру монографии и последовательность изложения всего материала книги.

В данном исследовании герменевтика прослежена в большей степени по отношению к древнегреческому литературному и философскому наследию в его исторической последовательности. Особое внимание в книге уделено выявлению методов истолкования и интерпретации в ветхозаветном (иудейском) и библейском (христианском) экзегезисе, их сравнительному анализу.

Показано, что, рассматривая текст скорее как органическое или когерентное целое, нежели как собрание непересекающихся частей, греческие мыслители строили свою аргументацию, основываясь на том, что текст будет непротиворечивым в грамматике, стиле и идеях, которые они использовали для верификации и изменения текстуальных пассажей. Расширяя логику части-целого на окончательный продукт писателя или целой философской школы, греки были в состоянии атрибутировать произведения с неизвестным происхождением. И хотя толкователи Библии и Торы, еврейские раввины, а также ранние отцы Церкви использовали подобный филологический инструментарий, их библейский экзегезис был наилучшим образом приспособлен к разработке аллегорических прочтений, зачастую за счет текстуального, буквального значения. Их истолкования искали в видимом знаке скрытый смысл в соответствии с намерением, которое они заблаговременно приписывали всему тексту или тому или иному фрагменту. Примеры подобного истолкования мы обнаруживаем у Гомера, Гесиода и Эсхила, а также в Ведах, в Коране и

других священных книгах. Такой подход является типичной стратегией также в тех случаях, когда требуется согласование просветительского и морального мировоззрения по отношению к фрагментам или пассажам, банальность и приземленность которых оказывалась ниже достоинства прославляемых богов.

Средневековые знаменательно тем, что оставило большое количество литературы, посвященной истолкованию Библии. Христианские комментаторы могли «читать» историю Ветхого Завета одновременно как предтечу аналогичных эпизодов в Новом Завете. Символические уроки христианских усложнений и описание различных аллегорий духовного содеожания, как показано в нашем исследовании, в конечном счете, были нацелены на обучение морали и нравственности. Похоже, что весь истолковательный базис этих комментариев исходил из того, что каждому аллегорически выраженному знаку или символу предписывался строго определенный смысл скорее нравственно-религиозного, чем текстуального значения. Поэтому, когда Мартин Лютер стал утверждать, что христиане могут переоткрывать свою веру сами посредством чтения Библии, католическая Церковь, со своей стороны, стала настаивать на том, что Библия слишком сложна и туманна, чтобы читать, понимать и интерпретировать ее без их руководства.

Протестантская экзегеза, которая появилась вскоре после лютеровского перевода Библии, тяготела к использованию ее текстов для ответов, преимущественно, на исторические и социальные ситуации, и в меньшей степени концентрировалась на выражении собственно теологических принципов. Противоречивые утверждения и трудные пассажи в Новом Завете прояснялись посредством сравнения их возможных значений с современной христианской практикой. Такие параллели подразумевали, что истолкование может основываться на *эмфатическом понимании* — самопроекции истолкователя на авторское пространство. Эта была как

раз такая эмпатия, которую Ф.Шлейермахер и В.Дильтей возвысили затем до уровня методологического философского принципа в своей попытке создать *общую герменевтику*.

Зрелый методологический вид герменевтика начала принимать уже в XVI в. в процессе дискуссии между католиками и протестантами на тему роли традиции в переводах Священного Писания. С этого момента герменевтика как теория истолкования постепенно трансформировалась в герменевтику философскую. Из вспомогательной дисциплины, облегчающей понимание сообщения, по каким-то причинам не подлежащего простому истолкованию, она переросла в фундаментальную науку, имплицитно и эксплицитно вобрав в себя предшествовавший опыт философствования. Этот практический опыт в области герменевтики получил дальнейшее развитие во второй половине XIX в., когда на первое место выдвинулась проблема поиска объективных исходных оснований гуманитарного знания (В.Дильтей). Предметной областью герменевтики становится теперь человеческая действительность, которая, согласно Дильтею, подлежит не только истолкованию (или интерпретации), но в первую очередь — пониманию. Подобно тому, как гуманитарное знание противопоставляется естественнонаучному, а естествознанию предпосылается единственно важная функция — функция объяснения, понимание противопоставляется объяснению, и в результате проблема понимания становится центральной проблемой философской герменевтики.

Философская герменевтика XX в. в лице М.Хайдеггера и Г.-Г.Гадамера перенесла свое внимание с проблемы истолкования на экзистенциальное понимание, которое рассматривалось скорее как прямой, аутентичный способ бытия в мире, а не как способ познания. Реакцией на релятивизм этой позиции было появление так называемой критической герменевтики (К.-О.Апель и Ю.Хабермас), нацеленной на методологически са-

морerefлексивную и всеобъемлющую реконструкцию социальных оснований дискурса и интересубъективного понимания. Наконец, П.Рикёр в своей феноменологической герменевтике сделал попытку синтезировать различные герменевтические течения со структурализмом и феноменологией.

Цель моего исследования состояла в том, чтобы показать, как и почему интерес к проблеме понимания, истолкования и интерпретации сопутствовал всей истории развития философской мысли. Оставляя в стороне всякие второстепенные и спорные проблемы, сопровождавшие развитие герменевтического направления мысли, мне предстояло установить и выявить весь ход развития герменевтики и указать те концепции, которые прибавляли нечто новое к прошлому запасу ее идей, методов и принципов. Я старалась сосредоточить внимание на том, чтобы передать общую картину становления герменевтики как определенной области знания, а не заниматься выяснением причин появления той или иной отдельной герменевтической теории. Для целей данного исследования важно было проследить определенную преемственность идеи, где бы я не нашла ее. Я писала историю становления герменевтики, а не ее летопись, поэтому для меня ценностью обладали только те доктрины и концепции, в которых наиболее выпукло выразилась их методологическая составляющая. Свою исследовательскую задачу я видела в том, чтобы показать, почему движение философских идей неизбежно должно было привести к той радикальной перемене, которая произошла в конце XX — начале XXI вв. Поэтому впервые введенное мной понятие «когнитивная герменевтика», вынесенное в заголовок книги, оправдывает основную цель данного исследования. Она состояла также в том, чтобы по возможности более полно и всесторонне раскрыть значение когнитивной герменевтики как метода научного познания и понимания.